

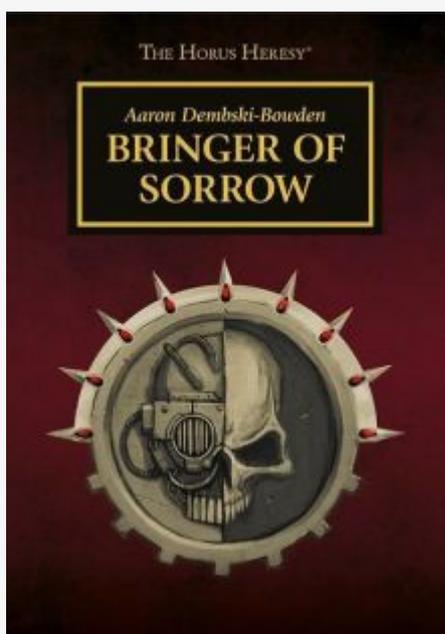
Несущий скорбь / Bringer of Sorrow (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Несущий скорбь / Bringer of Sorrow
(рассказ)

Автор [Аарон Дембски-Боуден / Aaron Dembski-Bowden](#)

Переводчик [Alre_Snow](#)

Издательство [Black Library](#)

Серия книг [Ересь Гора / Horus Heresy \(серия\)](#)

Год издания [2019](#)

Подписаться на обновления [Telegram-канал](#)

Обсудить [Telegram-чат](#)

Скачать [EPUB](#), [FB2](#), [MOBI](#)

Поддержать проект

Аркхэн Лэнд никогда прежде не видел, как плачет космодесантник. Это был один из тех редчайших моментов, когда его заботили чужие чувства, и он даже не знал, куда теперь стоит смотреть. Смутится ли Кровавый Ангел, если Лэнд устанет на него или укажет на эту внезапную эмоциональную уязвимость? Он предпочел пока что заняться настройкой линз в своих очках, хотя они и не требовали никакой настройки.

До чего же интересно, подумал он. Из всех причин, заслуживающих слез, — именно эта.

— В этом есть определенная мера искусства, — признался марсианский ученый, — но я предполагаю, что ты видел сотни высадок на планеты. И я не в силах понять, что вызывает у тебя настолько смущающий уровень эмоций при виде этой высадки.

Зефон, Кровавый Ангел, не ответил. Он не опускал взгляда, наблюдая, как спасение нисходит с небес на крыльях — метафорических и буквальных. Штурмовые катера пронизывали облака — исчерченный шрамами войны керамит корпусов, огненные следы за двигателями. Тысячи их плавно опускались по непрерывной спирали: циклон десантных транспортников и боевых машин, устремляющихся к поверхности планеты. Щиты, обожженные жаром трения об атмосферу, вспыхивали в лучах заходящего солнца.

Арххэн Лэнд и капитан Зефон созерцали этот воздушный балет со стен Дворца, и хотя Лэнд не позволял себе постыдных реакций, свойственных простому народу и некоторым эмоционально нестабильным воинам, бывшим ему свидетелями, — но даже техноархеолог обнаружил, что впечатлен искусством и точностью массовой высадки Легиона.

Был ли он растроган? Нет, не стоило настолько увлекаться. Был ли он потрясен? Сама мысль об этом была смехотворна. Но он был впечатлен, о да. Лэнд мог оценить легкий гипнотический эффект кружащих летательных машин, маневрирующих в строю, который становился восхитительно-сложным благодаря чистому количеству. Это напоминало ему о потоках кода, бегущих по монитору: нечто полуорганическое, нечто с биологическими вариациями, сливающееся воедино с точностью чистых вычислений. Человеческий элемент, если хотите.

Сапиен, его питомец, устроился на плече у Зефона. Заостренный хвост псибер-обезьяны медленно покачивался взад-вперед, однозначно сигнализируя о полном довольстве жизнью. Лэнд прищелкнул пальцами, привлекая внимание Сапиена, но обезьяна продолжала цепляться за керамитовый наплечник Зефона с привычной легкостью.

Сапиен даже издал серию негромких звуков, очевидно, свойственных обезьянам, устраиваясь поудобнее, и Кровавый Ангел поднял бионическую руку, рассеянно почесывая загривок зверька.

Лэнд щелкнул пальцами снова. На этот раз псибер-обезьяна обратила внимание на хозяина и перебралась на плечо Лэнда. Разница в росте между космодесантником и марсианским ученым была довольно существенной. Маленькому зверьку пришлось практически прыгать.

Они наблюдали за высадкой Кровавых Ангелов еще несколько всё более скучных (и удручающих) минут, пока Лэнд наконец не заговорил.

— Если в ближайшие дни ты хочешь, чтобы я разобрался с твоей неисправной бионикой, я могу это сделать.

Зефон не ответил. Казалось, он даже не услышал. Это было странно, учитывая, что довольно долго мысли Ангела в первую очередь занимало именно восстановление его нарушенных физических функций. Но вот, пожалуйста — Лэнд предлагал разобраться со всеми бесчисленными изъянами аугметики Зефона и не получал вообще никакой реакции.

Он повторил предложение с точно той же интонацией, скрывая раздражение от того, что в первый раз его проигнорировали.

Зефон медленно моргнул, словно бы его против воли выдернули из просветленного транса. На его прекрасном лице, сверхчеловеческом в своей кротости, отразилось рассеянное смущение.

— Прости, друг мой, что ты сказал?

Лэнд повторил предложение в третий раз. На его плече Сапиен играл с собственным хвостом. Это слегка уменьшило строгую торжественность момента, что было досадно. Тем не менее, сделав это поистине добродетельное предложение, он вернулся к настройкам своих очков, на этот раз следя за траекторией одной в особенности потрепанной «Грозовой птицы».

— Если у тебя найдется для этого время, — сказал Кровавый Ангел, — я буду благодарен безмерно.

— Найдется, — фыркнул Лэнд.

Их привыкли видеть вместе во Дворце в последние месяцы; частично оттого, что Лэнд — по некоторому размышлению — пришел к выводу, что раненый воин раздражает его куда как меньше, чем кто-либо другой на Терре. Пожалуй, было бы преувеличением сказать, что Лэнд испытывал искреннюю привязанность к космодесантнику, но в отношении Зефона он чувствовал нечто большее, чем обычное насмешливое презрение, — а во внутренней иерархии Лэнда это делало их едва ли не братьями.

— Я никогда прежде не видел плачущего космодесантника.

Ангел улыбнулся, продолжая проливать сдержанные, почти торжественные слезы.

— Что ж, теперь увидел.

Лэнд, который не раз читал нотации Зефону (как и всем, оказавшимся в его присутствии) о том, что он не терпит людей, утверждающих мучительно очевидные вещи, каким-то образом ухитрился на этот раз сдержаться осуждение.

Зефон по-прежнему плакал, глядя, как штурмовые катера по спирали опускаются ниже, как тяжелые транспортники, содрогаясь, ползут к силуэту башен космопорта на горизонте. Серебряные следы его эмоций оставляли тонкие двойные линии на бледных щеках.

— Я не понимаю тебя, — наконец сказал ему Лэнд. — Почему ты плачешь?

Кровавый Ангел перевел взгляд на техноархеолога — невыносимо проникновенные глаза, невыносимо благостная улыбка.

— Мой легион, — сказал он. — Мои братья. Мой отец.

Лэнд замешкался. Он видел приземляющийся транспорт не хуже, чем любой другой. Даже лучше, по правде говоря, учитывая приближающиеся эффекты его очков. Непонимание добавило его тону нетерпеливых ноток.

— И что?

Ангел уже поднял глаза обратно, к полному движения небу, где Девятый легион продолжал свою бесконечную высадку.

— Они живы.

Лэнд приподнял очки, почесывая свой внушительный нос. Большинство людей не сочли бы его

привлекательным; впрочем, сам он не считал большинство людей достаточно умными, чтобы их мнения имели для него хоть какой-то вес. И, к тому же, привлекательность и сексуальное влечение только сбивали с пути при Поиске Знания. Можно провести жизнь, разбрасывая свой генетический материал среди других людей, а можно заниматься делом.

Лэнд предпочитал дела.

— Ты уже несколько недель знал, что они живы, — сказал он. — Ты знал это с тех пор, как они достигли границы субсектора и ауспексы дальнего действия начали провозглашать их прибытие. Что меняется от того, что теперь они действительно здесь?

Даже недовольная гримаса Ангела была полна безмерного терпения.

— Я не знаю, как выразить мои эмоции и мое облегчение в словах, которые ты поймешь, Аркхэн.

Лэнд сдержал желание закатить глаза.

— Если ты закончил с мелодраматичностью — не то чтобы ты хоть когда-нибудь это прекращаешь, конечно, — мое предложение по-прежнему в силе. — Он ткнул пальцем в сторону воздушного представления, которое должно было продолжаться еще несколько дней. Высадить на планету весь легион — дело небыстрое. — Если хочешь снова сражаться вместе со своими братьями, приходи ко мне. Я помогу тебе.

Лэнд не был кибернетиком; не был он и биоинженером, специализирующимся на восстановлении костной структуры или микрохирургии искусственных мышц. Во всяком случае, это не были области его экспертных знаний. Он изучал их, разумеется. Нужно же давать работу мозгу, в конце-то концов.

У него были соратники, тоже застрявшие на Терре (хотя он ни в коей мере не считал их равными; они были, в лучшем случае, коллегами), и некоторые из них интересовались, почему он решил посвятить себя направлению, столь далекому от его обычной сферы интересов. На эти вопросы он всегда отвечал одним и тем же объяснением:

— Потому что здесь нет ничего более подходящего, чем я мог бы занять время.

Разумеется, это было не совсем так. Он вряд ли мог посвятить себя своей страсти (своему призванию) — исследованию техно-руин, будучи заперт в Имперском Дворце, но всегда можно было чинить оружие или конструировать новые игрушки. Военные дела неизменно требовали его внимания, и если Империи суждено было вернуть Священный Марс, Лэнд намеревался сделать всё возможное, чтобы приблизить этот исход.

Тем не менее, такой способ избавляться от глупых вопросов служил своей цели — тому, чтобы от него отстали; когда стремишься к жизни подальше от идиотских расспросов, цель всегда оправдывает средства. С этой точки зрения он не считал свою прямоту грубостью — только практической необходимостью.

В зависимости от того, кто именно его спрашивал, Лэнд мог добавить ядовитый намек на то, что Легионы Астартес до сих пор так и не могут завоевать Священный Марс, или изящно прервать собеседника, предположив, что лорд Рогал Дорн мог бы приложить чуть больше усилий, чтобы возратить родной мир Механикум.

Лэнд не скрывал своих взглядов. В день, на который назначена была хирургическая операция Зефона, Лэнд высказал одно из таких замечаний офицеру Имперской Армии, служившей координатором отведенной ему для проживания секции Дворца. Офицер не слишком впечатлилась этим образцом искусства беседы. Мало кто впечатлялся.

— Мне следует доложить о вашем подстрекательстве к мятежу, — сказала она.

— Да неужели? — насмешливо протянул Лэнд. — Вы должны это сделать? Ну давайте. Может быть, чувство вины заставит лорда Дорна поднять свой позолоченный афедрон и вернуться в небеса над Священным Марсом. Ему может понравиться возможность на сей раз исполнить свой долг как следует.

Офицер была явно потрясена отповедью Лэнда. Техноархеолог воспользовался ее молчанием, довершив свою мысль с небрежным взмахом руки:

— Я встречался с самим Императором, женщина. Я беседовал с ним! Немалое количество машин Империи функционирует — и просто существует! — благодаря моим усилиям по открытию СШК. Не угрожай мне такой чепухой. На этом всё.

Провожая уходящую женщину взглядом, Зефон улыбнулся обычной для него сочувственной улыбкой. Похоже, он один обращал внимание на то, что упоминание Марса всегда приводило Лэнда в отвратительное настроение — даже когда тот сам поднимал эту тему.

— Аркхэн, друг мой, тебе не приходило в голову, что она пошутила?

— Да, да, — резко отозвался ученый. — А теперь помолчи и позволь мне обследовать тебя, прежде чем мы начнем.

Спустя долгих пятнадцать часов Лэнд стоял у операционного стола, на котором лежал его товарищ, хирургически вскрытый, кое-где — до кости. Пот стекал по его лицу, смывая разводы крови Зефона. Позвоночник превратился в дрожащую колонну боли — он часами не разгибал спину. И его работа была еще далека от завершения.

Старые протезы Зефона деградировали за годы неполной функциональности. Недостаточное сращение с нервами, мышцами и костью означало, что передача информации и движений оказывалась сильно ограничена. Это не было следствием некачественной имплантации или обслуживания — простое биологическое отторжение. Зефон был одним из тех редчайших воинов Легионов Астартес, чье тело отказывалось принимать кибернетические импланты. Органика в тех местах, где протезы крепились к телу, пострадала не меньше: мышечная ткань изнашивалась из-за некачественного подсоединения, сухожилия и кости тоже не избежали повреждений.

Но Лэнд ожидал всего этого. Ничто из перечисленного не было проблемой.

Проблема была в том, что он сделал всё куда хуже.

Во время их путешествия в Имперские подземелья и Войны в Паутине Зефону необходимо было сражаться снова, что бы ни случилось с отказывающимися протезами. В отсутствие других ресурсов (и, по правде говоря, просто чтобы посмотреть, сможет ли он преуспеть там, где потерпели поражение биотехнологии Легионов) Лэнд нашел временное решение, дающее Кровавому Ангелу возможность снова держать болтер и клинок. Теперь он смотрел на последствия этого решения. Выгоревшие остатки

его, отсоединенные и извлеченные из бессознательного тела Зефона.

В стальных хирургических кюветах была разложена окровавленная паутина из синаптических узлов усиления, нейронных стимуляторов, мускульных инъекторов и окостеневшей соединительной ткани. Некоторые из этих материалов использовались в ремонте транспорта, а центральный интерфейс представлял собой контролирующий боль участок мозга убитого боевого киборга. Некоторые из узлов паутины были сняты с мертвых сервиторов и переделаны. Кое-что было примитивной технологией, встречающейся в автоматических детских игрушках. Еще больше — детали сломанной медицинской техники, приспособленные для использования в этих предельно отчаянных обстоятельствах. Всё это было модифицировано, подогнано и приживлено к искалеченному телу Кровавого Ангела, чтобы симулировать свободу движений, доступную естественному организму.

Это нельзя было назвать одним решением; скорее — несколько решений, слепленных воедино ради функциональности. Теперь же он смотрел на обожженные нервные окончания, лопающиеся кровяные сосуды, стертые мышцы... Что ж, список повреждений выходил обширным. В тот момент главное было — вернуть Зефона обратно в строй. Лэнд даже не ожидал, что ему придется исправлять дополнительный ущерб, нанесенный им же самим.

Он перевел взгляд на безмятежное лицо Ангела: Зефон находился в искусственной коме, вызванной дозой химических веществ и активацией его анабиозной мембраны.

— Тебе вообще полагалось умереть там, внизу.

Ангел продолжал спать. Сапиен следил за ними, устроившись на ближайшем столе. Псибер-обезьяна даже щеголяла хирургической маской соответствующих размеров, в полном подобии своему хозяину. Никто и никогда не мог бы сказать, что Аркхэн Лэнд бывал невнимателен к мельчайшим деталям.

Надвинув очки, Лэнд взгляделся в соединения мышц и нервов там, где обрубок правой руки Зефона встречал его предыдущий бионический протез. Деграция здесь ничем не отличалась от состояния других конечностей: Зефон должен был испытывать значительную боль в последние месяцы, когда паутина поспешно переделанных имплантов и усилителей прожигала его тело.

Ангел не пожаловался ни разу. Он даже не упоминал об этом. Настолько ценной была для него возможность снова двигаться по-настоящему, что он готов был терпеть постоянную беспощадную боль в молчании — лишь бы вновь встать и сражаться за Императора.

Лэнд не был уверен, что это его восхищало. В конце концов, именно такой упрямый фанатизм привел к тому, что Легионы Астартес заставили полыхать огнем половину галактики. Они были гордой и опасной породой, в этом не следовало сомневаться.

Но Зефон был Зефоном.

Так что Лэнд продолжил работу.

На исходе тридцать шестого часа операции, когда новые бионические руки и ноги были закреплены на своих местах и каждый соединительный узел был подсоединен к костям, нервам, сухожилиям, венам и мышцам с идеальной точностью, Лэнд добрался до финальной проблемы. Вся эта кибернетическая хирургия, пусть даже выполненная по куда более высоким стандартам, чем Ангелу доставалось прежде, не касалась главного вопроса: отторжения. Прекрасно исполненные протезы конечностей — серебряное скульптурное отражение настоящей, давно утраченной, плоти Ангела — неизбежно должны были начать отказывать, ломаться и срабатывать невпопад, как и вся бионика до них. Именно эти полочки в первую

очередь и обрекли Зефона на ссылку на Терру — вдали от легиона, вдали от фронтов Великого Крестового похода: надзиратель над пустыми казармами, не командующий никем, не собирающий больше славы. Заслуживший уважение и награды воин, прозванный за свои подвиги «Несущим Скорбь», превратился в почти немого очевидца проходящей перед его глазами истории, лишенный своего места в жизни.

Но Аркхэн Лэнд не стал бы ввязываться в эту авантюру, не имея плана.

Был ли этот план обязан своим существованием бесконечным глубинам его сокровенных знаний? О, разумеется. Была ли это идея, требующая раздвинуть границы гениальности до неиспытанных прежде пределов? О чем тут и спрашивать.

Было ли это законным?

Ну, как сказать.

Хотя большая часть его драгоценного имущества и наиболее важных артефактов осталась на Священном Марсе (и можно было лишь надеяться, что они всё еще не попали в лапы обезумевших техноеретиков), Лэнд обладал кое-какими ресурсами. Уникальными ресурсами. Ресурсами редчайшими в своей функции и еще более редкими в применении. Он был человеком, посвятившим свою жизнь Поиску Знания. Раскопки в древних техно-гробницах и могильных курганах времен Темной Эры Технологий обеспечили его парой-другой безделушек, которые могли теперь пригодиться в полуметафорическом возрождении Зефона.

Искаженный интеллект, разумеется, обоснованно находился вне закона. Мыслящие машины, лишённые балансирующего элемента органических компонентов, упоминались в бесчисленных надгробных надписях как причина древних войн и резни в эпоху до начала достоверной письменной истории. Что бы ни положило конец до-имперскому распространению человечества в галактике, так называемый «искусственный интеллект» сыграл в этом существенную роль. Машины — со всей неблагодарностью — восстали против своих хозяев, и...

И, да, пролилась кровь. Крови вообще это было свойственно. Исторические и доисторические события были равно изобильны подобными периодами. Такого человека, как Лэнд — лишённого стремления к насилию — тенденция прошлого окрашиваться красным весьма утомляла.

Тем не менее, вполне можно было позаимствовать частицы Искаженного Интеллекта и использовать их где-нибудь еще. Кусочек машинного мозга там, осколок микросхемы с искусственными мыслями здесь. Ничего слишком законченного. Ничего такого, что могло показаться подозрительным или приблизиться к нарушению суровых законов Механикум. Лэнд всю жизнь был закоренелым расхитителем гробниц Темной Эры. У него скопились остатки древних технологий, каждый из которых был — по любым стандартам — не меньше чем чудом механики.

Искаленное тело Кровавого Ангела отказывалось принимать бионические протезы? Ну что же. Следовало обмануть тело и заставить его подчиниться. И этот процесс начинался с мозга.

Лэнд взвесил на ладони горсть крошечных, похожих на осколки, вычислительных схем. Их паутинно-тонкие контакты блестели в ярком свете лабораторных ламп. Несколько лет назад он очень, очень осторожно извлек эти схемы из черепной коробки давно мертвого боевого робота; с тех пор он использовал их в самых разнообразных устройствах и оружии — одна из них даже стояла в синтетическом разуме Сапиена, добавляя уровень автономии и самосознания, выходящий за строгие

пределы разрешенного марсианскими законами.

Еще два осколка схемы были уже имплантированы в новые бионические руки Кровавого Ангела. Там они должны были получать сигналы от базовых биопроцессов в мозгу воина и убеждать ампутированные суставы слиться с приращенными протезами. «Принять, принять, принять» — будут пульсировать они вечно, или, во всяком случае, до тех пор, пока сердца Зефона не перестанут биться и его мозг — функционировать. Не просто обманывать тело — это было бы бесполезно — но переписывать ложь, заставляя ее становиться правдой. Физиологически изменяя тело посредством добавления еще одного, невидимого разума.

Но, несмотря на всё, оставался еще один шаг. Фрагменты мозговых клеток робота не могли просто угнездиться в искусственных конечностях. Нужна была еще одна, последняя микросхема, чтобы замкнуть цепь...

Лэнд постучал пальцем по черной точке, которую нарисовал на виске Зефона, и взялся за лазерную дрель.

Зефон открыл глаза. Он был один. Один в импровизированной лаборатории Аркхэна Лэнда, которая больше напоминала кладовку безумца-коллекционера, чем операционную палату.

Каждый раз, когда он проходил операцию по замене аугметических конечностей раньше, Зефон приходил в себя в легионном аптекарионе, окруженный медицинскими сервиторами и в присутствии своих братьев. Затем всё начиналось заново: цикл надежды, медленные проверки протезов, исследование их функций... и понимание, снова и снова, что они будут дергаться невпопад, застревать и не повиноваться, слишком плохо срастаясь с его телом, чтобы позволить ему присоединиться к братьям на переднем краю сражений.

Сегодня он поднялся не со стандартного хирургического стола, но с простерилизованного верстака Аркхэна Лэнда. Первое, что он ощутил, была боль — ожидаемая и естественная — в его новых конечностях. Второе — тупая пульсация, напоминающая инфекцию, в его виске. Это тоже было ожидаемо, хотя и неестественно: предложение Лэнда, которое он объяснил лишь в общих чертах, требовало перенаправления нейронных связей. Возможно, мысль о том, что Аркхэн Лэнд — ученый-авантюрист и расхититель гробниц — будет копаться в его мозгах, должна была бы пробудить в Кровавом Ангеле подозрения, но Зефон уже давно перестал волноваться о подобном. У него был выбор: либо эта операция, как последнее средство, либо прежняя бесполезная жизнь, где будет лишь его боль и дефективные протезы. Он воспользовался своим шансом, не оглядываясь.

Зефону понадобилось несколько секунд, чтобы сосредоточить свое восприятие. Он моргнул, проясняя зрение; открыл и закрыл рот, прочищая заложенные уши. Он слышал дыхание неподалеку, узнавая медленный ритм спящего смертного — и, конечно же, это был техноархеолог Лэнд, в очках, сдвинутых вверх на лысый череп, сгорбившийся в углу и глубоко спящий. Должно быть, усталость одолела его в конце процедуры, и он заснул, едва успев сесть. Сапиен подражал своему хозяину и точно так же спал, обернувшись вокруг плеч Лэнда, точно экзотический меховой шарф.

Сперва двигаясь медленно, Зефон поднял руку к лицу. Повернул запястье. Сжал кулак, медленно сгибая пальцы. Так же осторожно разогнул их. Он чувствовал движение, мельчайшие сокращения искусственных нервов и то, как проворачивались крохотные шестеренки в костяшках пальцев. Рука была прекрасной работы — специально выкованное для него произведение искусства, намного превосходящее

стандартную бионику Легионов, которой обычно награждали раненых воинов.

Он снова сжал кулак. Снова разжал его. Движения были четкими и точными. Никаких судорог. Никаких задержек или микроспазмов. И никакой боли; никакой медленной пульсации, ползущей вверх по его руке, чтобы засесть в локтевом суставе, точно озеро текучего расплавленного стекла. Когда он встал и принялся разминать плечи, Лэнд зашевелился в своем углу.

— Хммф, — сказал марсианский ученый в качестве приветствия. Лэнд моргнул покрасневшими глазами, глядя, как Ангел проверяет новые конечности.

— Пока что всё хорошо, — рискнул заметить Зефон.

— Ну конечно, — даже измученный усталостью, Лэнд не растерял своей привычной резкости. — И тебе еще предстоит обнаружить, что со временем не произойдет никаких ухудшений в движениях. Я это гарантирую. Ты, за неимением лучшего слова, исцелен.

Ангел обратил полные отчаянной надежды глаза на согбенного, лысеющего, раздражительного человека, скорчившегося в углу.

— Вот только избавь меня от этого, — ответил Лэнд, видя его выражение лица. — Почему тебе непременно нужно выглядеть так возвышенно, что бы ты ни делал? Ты будто сошел с фрески, изображающей проникновенную искренность. Это ужасно раздражает.

Зефон не отреагировал на подначку. Он никогда на них не реагировал.

— Как тебе это удалось? — спросил он. Он готов был решиться поверить, что его увечье было, наконец и вопреки всему, исцелено. Его легион вернулся на Терру, и Зефон осмеливался надеяться, что сможет снова встать рядом с ними.

— Детали несущественны и скучны все до единой, — надменно ответил Лэнд, почесывая лысую голову. — Тебе еще потребуется время, чтобы привыкнуть к новым конечностям, но ты сможешь приступить к тренировкам в легком режиме в течение недели.

Зефон рассмеялся. Для большинства людей это был бы музыкальный звук, но слух Лэнда не различил никакой мелодии.

— Мои слова так забавляют тебя? — спросил ученый, приподняв кустистую бровь.

— Аркхэн, ты подарил мне второй шанс в жизни и единственное, о чем я мечтал десятки лет. Я не смеюсь над тобой, друг мой. Это просто... радость.

— Хм. Да. Понимаю, — ответил Лэнд, хотя по его тону было ясно — ему было безразлично. — Теперь твой легион восстановит тебя в звании капитана?

— Я не знаю, — даже перспектива вернуться к своим родичам в роли рядового боевого брата не уменьшила восторг Ангела. — Но это неважно. Вновь сражаться рядом с братьями — для меня этого будет достаточно.

— Хмм, — Лэнд прищелкнул языком. — В таком случае, ты скоро доложишься Девятому, не так ли?

Зефон наконец поднял глаза от своих новых рук, встретив пронзительный взгляд ученого.

— Если импланты приживутся...

— Разумеется, приживутся. Отвечай, чтоб тебя.

— Тогда, конечно, я встречу со своим отцом. Лорд Сангвиний разделит мою радость и примет меня назад в легион, в этом я не сомневаюсь.

— Значит, ты окажешься в присутствии Девятого очень скоро, — настойчиво продолжил Лэнд. — Так?

Усмешка Зефона померкла. Полуулыбка, оставшаяся на его идеальном лице, не лишена была юмора, но в ней не было и доли той радости, что озаряла его несколько секунд назад.

— А, — негромко сказал Ангел.

Лэнд прищурился.

— «А», — передразнил он. — На тебя только что снизошло откровение?

Голос Зефона оставался дружелюбным, но его глаза стали холоднее. Ангельские, неизменно ангельские — но теперь это были глаза ледяного ангела.

— Возможно. Значит, ты желаешь встретиться с моим отцом?

В глазах Лэнда светился голод. Неутолимая, яростная нужда.

— Я не хочу ничего другого. Ты отведешь меня к нему, да?

Зефон взглянул на прекрасные серебряные руки, которыми его пытались подкупить. Он не сразу смог заговорить, и голос его был окрашен тихой болью, которую Лэнд никогда не слышал раньше.

— Тебе не нужно было подкупать меня этой операцией, Аркхэн. Если ты хотел поговорить с моим отцом, я отвел бы тебя к нему вне зависимости от твоей помощи. — Ангел заколебался. — Я думал, что мы — что-то наподобие друзей.

— Да, да, мы — великолепная пара, и хроники наших приключений опишут в священных текстах, дабы потрясать будущие поколения. — Его глаза горели лихорадочным блеском. — Ты можешь мне ответить, пожалуйста? Ты отведешь меня к Девятому примарху или нет?

Зефон кивнул, и его улыбка исчезла совсем.

— Я сделаю это, как только мой отец сочтет это возможным. Но, Аркхэн, я хочу предупредить тебя — лорд Сангвиний вряд ли отправит свой легион на завоевание Марса.

Лэнд ничего не ответил. Его взгляд говорил всё за него — там отчаянная надежда и неприкрытая жадность смешивались в уродливую насмешку.

— Хорошо же, — уступил Зефон. — Как пожелаешь. Но что я должен сказать аптекариям моего легиона, если они спросят о процедурах, которые ты провел?

— Скажи им, что мои методы принадлежат только мне. Я советую тебе наслаждаться своим возрождением, Кровавый Ангел, вместо того, чтобы переживать о всяческих «как», «почему» и «тем не менее».

Зефон молча смотрел на него несколько мгновений.

— Так я и сделаю. И... спасибо, Аркхэн.

Техноархеолог фыркнул.

— Я сделал это не ради твоих благодарностей.

— Это, — ответил Ангел, — я прекрасно понял.

Девять дней спустя Аркхэн Лэнд стоял перед гигантскими белыми деревянными воротами апартаментов Афелиона; рядом с дверным проемом в пять раз выше своего роста он казался карликом, и его то и дело толкал кто-то из непрерывного потока писцов, офицеров Армии и Кровавых Ангелов, проходящих через открытые ворота в обоих направлениях. Он даже заметил в толпе кого-то из Кустодиев; впрочем, это был не Диоклетиан, а Лэнд не озаботился тем, чтобы запоминать имена кого-то еще из них. Он подумал о том, чтобы подойти к Кустодию и справиться о здоровье Диоклетиана, но не стал — на самом деле ему было всё равно.

Один из стражей ворот вычленил его среди бурлящего моря людей. Золотой Кровавый Ангел, шагавший к нему, носил прыжковый ранец с огромными крыльями, железные перья которых в некоторой степени помогли очистить пространство вокруг воина. Целеустремленный шаг и его размеры довершали дело.

— Аркхэн Лэнд, — сказал Кровавый Ангел. — Жди здесь.

Его шлем был маской смерти из терранской древности, отмеченный алыми слезами: рубины, припаянные к золотой щеке. Нагрудник был скульптурным отражением идеальной мужской мускулатуры, выкованный из того же золота, что и остальная его броня. На любой другой планете этот воин смотрелся бы, как король. На Терре, среди элиты Кровавых Ангелов, он был просто одним из воинов.

— Меня ожидают, — ответил Лэнд. — Я...

— Я оповещен о твоём деле, — оборвал его офицер. Он не снял свой шлем для беседы. — Ты пройдёшь в четвёртый Зал Высокого Света в Афелионе. Лорд Сангвиний ждёт тебя там. У тебя будет десять минут его времени, не больше.

Лэнд моргнул.

— Зефон?

— Ты понял инструкции, которые я дал тебе?

— Да, да, конечно, я понял. Я не идиот. Зефон, это ты? Значит, они позволили тебе вернуться в легион, а?

Капитан Кровавых Ангелов отступил назад, позволяя Лэнду вновь присоединиться к движущемуся потоку.

— Ты можешь войти, — разрешил ему офицер.

— Зефон, — произнес техноархеолог. — Я хотел сказать...

Но Кровавый Ангел уже уходил прочь, и его золотой крылатый доспех заставлял людей перед ним расступаться медленной волной. Он присоединился к своим братьям на посту у белых ворот.

Лэнд шагал в толпе просителей и посланников, следя за тем, чтобы пройти как можно ближе к воину, с которым он разговаривал. Когда он проходил мимо, Сапиен спрыгнул с его плеча. Псибер-обезьяна пружинисто приземлилась на золотой наплечник Кровавого Ангела и тотчас же со всем удобством устроилась на новом насесте.

Крылатый воин поднял руку, осторожно касаясь пальцами в золотой перчатке шерсти зверька.

Усмехнувшись про себя, Лэнд вошел в обширные, полные людей апартаменты, готовя себя к встрече с одним из непредсказуемых, во многом нерациональных, полубожественных сыновей-мутантов Омниссии.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Несущий_скорбь_/_Bringer_of_Sorrow_\(рассказ\)&oldid=20521](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Несущий_скорбь_/_Bringer_of_Sorrow_(рассказ)&oldid=20521)

Эта страница в последний раз была отредактирована 29 июля 2022 в 10:08.